

Глава 11. Белая свинья требует расторжения помолвки

Украдкой коротким, глубоким вздохом, я посмотрел направо, прямо перед собой, налево, затем слегка влево и назад через плечо — и, удовлетворённо кивнув, заговорил.

— Сейчас мы обсудим расторжение помолвки между Шарлоттой Оллпорт и Гидеоном Литлтоном.

Прямо-таки хотелось добавить драматический звуковой эффект «ба-бам!».

— Э-э... расторжение помолвки, говорите?

Подобравшись, точно самый заурядный аристократ, — а по сути, невзрачный мужчина в дорогом платье, — осторожно подал голос отец жениха.

— Маркиз Литлтон. Разве ваш сын вам ничего не говорил?

Я же велел этому балбесу: если хочешь разорвать помолвку — приводи родителей.

Я перевёл взгляд на балбеса, и тот, вздрогнув и окаменев всем телом, тут же затараторил на повышенных тонах:

— Отец, то есть батюшка! Я... я хочу разорвать помолвку с Шарлоттой и заключить помолвку вот с ней — с Моникой, младшей сестрой Шарлотты!

— А? Гидеон, что ты несёшь?

Истинно так. Надо было воспитывать его строже.

Ну, он же второй сын, к тому же собирался войти зятем в графский дом, — наверное, потому и распустился. Но я этого не прощу.

Шарлотта, услышав безжалостные слова жениха, прикусила нижнюю губу, сдерживая слёзы.

Пошлая мамаша и фальшивая грудь, сидевшие напротив, скалились наглыми, полными злобы ухмылками.

— С нашей стороны тоже нет возражений против отмены помолвки с Шарлоттой. Однако разрыв помолвки, само собой, означает, что вина лежит на доме маркиза Литлтона — ведь передумал именно ваш сын. Впрочем, и мы не хотим пятнать свою репутацию. Поэтому предлагаем оформить расторжение по обоюдному согласию.

Я поманил правым указательным пальцем, и Дин положил передо мной один лист бумаги.

А ещё — загадочную штуковину на маленьком круглом блюде, из которой торчала игла.

Я быстро подписал заявление о расторжении помолвки и с хрустом вонзил указательный палец в иглу на блюде.

На блюде упала капля моей крови, потом вторая.

Дин проворно собрал бумагу и блюдо и передал документ вместе с пером маркизу Литлтону.

Затем то же загадочное блюдо поставили перед всеми тремя из дома Литлтонов, жестом предложив им тоже пустить кровь из пальца.

Пока маркиз подписывал, Дин пододвинул блюдо к Шарлотте.

Та с тревогой снизу вверх посмотрела на Дина и, будто смирившись с неизбежным, взяла блюдо.

А потом — к шайке Корди. Тот начал было цепляться, требуя объяснить, что это за блюдо, но Дин шёпотом бросил: «Дворянский обычай», — и Корди послушно уколол палец.

Хм, теперь у нас есть подписанное заявление и кровь от каждого участника.

Похоже, маркиз Литлтон пребывал в тяжком недоумении от внезапной выходки сына, но, услышав сладкие речи, что мы не станем требовать отступных, он бросил терзать себя размышлениями и подписал — как-то уж очень легко и почти равнодушно.

Дин, удостоверившись, что на заявлении о расторжении стоят подписи обеих семей, передал его тому самому старику в облачении.

Меня разобрало любопытство, я слегка наклонился и заглянул: старик поднёс руку к бумаге, с неё осыпался сверкающий свет, и заявление покрылось нежным сиянием.

Затем бумагу передали молодому человеку в чёрном, что стоял наготове позади, а тот уложил её в какую-то деревянную шкатулку и — щёлк!

— включил её!

Вскоре зазвенел прелестный колокольчик: дзынь-дзынь. Молодой человек открыл шкатулку — заявление осталось на месте.

Что за чудо?

Молодой человек почтительно вручил документ Дину, и тот поднёс его ко мне.

— !

Нет, постойте. Это вовсе не то же самое заявление, а свидетельство о расторжении. Помолвка между Шарлоттой и балбесом уже официально прекращена.

О? Два экземпляра. Едва я склонил голову в недоумении, Дин проворно выхватил у меня из рук один и передал его маркизу Литлтону.

— Что? Почему утверждение расторжения происходит так быстро?

Ага, выходит, не только я, лишённый памяти об этом мире, не знаю о такой удобной системе, но и эти господа тоже не в курсе?

На эти слова Дин с улыбкой взялся внушительно объяснять:

— Действительно, обычно заявление направляется из наших земель во дворец, затем подтверждается Церковью, после чего свидетельства доставляются обеим семьям — и на этом процедура завершается. Однако к нам сегодня пожаловал Его Высокопреосвященство Архиепископ Либерио, а он имеет право незамедлительно утвердить документ и выдать свидетельство.

— ...В самом деле, это был Архиепископ Либерио...

Господин маркиз Литлтон уставился на старика-архиепископа каким-то безжизненным взглядом. Неужто этот старик и вправду большая шишка?

— Да какое там — всего лишь ветхая кость. Итак, помолвка между домами маркизов Литлтонов и графов Оллпортов отныне расторгнута. Да ниспошлётся обоим новая, лучшая судьба.

Архиепископ, — нет, старик Либерио, — сжав в руке священную печать на груди, закрыл глаза и помолился за счастье обоих.

Ух ты, прямо ощущается благодать.

Кстати, та деревянная шкатулка, что держал молодой человек, была «ящиком переноса», принадлежащим Церкви. Как и следовало из названия, это магический инструмент, способный перемещать предметы в другое место или принимать их оттуда. Живых существ, кажется,

переносить нельзя.

— Тогда следующим пунктом обсудим Монику и вот этого... как его там?

Имя-то как? Если назову балбесом — обидятся же?

— Д-да! Как замечательно, что мою помолвку с Шарлоттой расторгли немедленно! Теперь я могу обручиться с Моникой!

Он почему-то в возбуждении сам вскочил на ноги.

И тут же фальшивая грудь Моника, вся сияя, тоже вскочила и истошно завопила этому балбесу:

— Господин Гидеон! Мы наконец-то сможем пожениться, как я счастлива! Я непременно стану графиней, достойной вас!

Чего? Ты что, сонную чушь несёшь?

<http://bllate.org/book/17979/1727987>